Текст · 13 октября 2020, 07:39
Анна Козкина,

«Аффект — не психическое расстройство. Он может быть у любого». Кого и как судят за убийства в состоянии «сильного душевного волнения»

Убийство в состоянии аффекта обычно попадает в новости в тех случаях, когда публике кажется, что обвиняемый избежал справедливого наказания. Или же, напротив, суд не учел казалось бы очевидный аффект и наказание оказалось чрезмерно суровым — часто это связано с темой домашнего насилия. Анна Козкина попыталась разобраться в том, как россияне совершают преступления в состоянии «внезапно возникшего сильного душевного волнения» — и как их за это судят.

Отношения с дочерью у медсестры из Уфы Марины Козловой были натянутые. Она считала, что дочь неправильно воспитывает внучку Ксюшу, да еще и постоянно встречается с партнерами при малолетней девочке, а с недавних пор стала жить с новым возлюбленным. Как-то раз весной 2017 года дочь попросила у Козловой 100 тысяч рублей, но не объяснила, зачем они нужны — и пригрозила[1]

запретить ей общаться с внучкой: «Если не будет денег, то с Ксюшей может произойти все, что угодно».

Сказав это матери, дочь ушла в ванную вымыть пса по имени Саймон. Мать же взяла кухонный топорик для разделки мяса: «На меня что-то нашло». «Я зашла в ванную и ударила топором по голове [дочери], —

позже говорила она на допросе. — Помню только, как я монотонно двигала руками вниз и вверх, держа в них топор, говорила: "Прости меня, дочка, прости меня, дочка". Сколько раз я наносила удары топором, не помню, сколько прошло времени, я не знаю. Через какое-то время я очнулась и увидела у [дочери] в горле топор и стала его вытаскивать, я сразу не смогла вытащить топор за рукоятку».

Вытащив топор из горла дочери, Марина Козлова «взяла ее руки и стала их целовать, просила у нее прощения». Дочь уже была мертва. Судмедэксперты нашли на ее теле следы от 40 ударов кухонным топором.

Вымыв руки от крови, бабушка зашла в спальню внучки, которая забилась в угол и дрожала: «Я сказала: "Пошли, только опусти глазки вниз, не смотри", — и прикрыла ей рукой глаза. Я провела ее боком мимо трупа, закрывая ей глаза ладошкой. [Ксюша] в коридоре увидела, как их собака лижет кровь и сказала: "Саймон лижет кровь". Мы обулись, я надела свою куртку, взяла топор, положила его в пакет, я закрыла дверь квартиры, но не на замок. Затем мы вышли».

Советский районный суд Уфы признал Марину Козлову виновной в убийстве в состоянии аффекта (часть 1 статьи 107 УК) и приговорил ее к полутора годам ограничения свободы[2]. В основу решения суда легло заключение комплексной психолого-психиатрической экспертизы, признавшей, что в момент убийства Козлова была в состоянии кумулятивного — накопительного — аффекта, а значит, не могла

понимать характер и значение своих действий и руководить ими. Согласно выводам специалиста, женщина несколько лет жила в условиях психотравмирующей ситуации, поскольку считала, что дочь «неправильно живет и неправильно воспитывает» внучку, которая часто жаловалась бабушке. Это привело к росту эмоционального напряжения.

На допросе в суде психолог, делавшая экспертизу состояния подсудимой, хотя и назвала поведение погибшей «нормальным», отметила, что мать воспринимала поступки дочери субъективно в свете жалоб внучки — и поэтому просьба одолжить 100 тысяч рублей и угроза, что «с Ксюшей может что-то произойти», стали «последней каплей» и подействовали как спусковой механизм, запустивший состояние аффекта.

«Внезапно возникшее сильное душевное волнение». Аффект в Уголовном кодексе

В российском Уголовном кодексе есть две статьи о преступлениях, совершенных в случае временной потери контроля за своими действиями: одна наказывает за совершенное в состоянии аффекта убийство (статья 107 УК[3]), другая — за причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью (статья 113 УК[4]).

Аффект в кодексе понимается «состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения». Оно может проявляться в двух случаях. Во-первых, это

может быть моментальная реакция на насилие, издевательство либо сильное оскорбление со стороны потерпевшего — или же на другие его «противоправные или аморальные действия». Вторая возможная причина — «длительная психотравмирующая ситуация, образовавшаяся из-за систематического аморального или противоправного поведения потерпевшего».

К реальному лишению свободы за убийства в состоянии аффекта приговаривают крайне редко, зачастую дела и вовсе прекращаются за примирением с потерпевшими. В большинстве случаев суды назначают ограничение свободы, исправительные работы и — крайне редко — условные сроки.

За последние 10 лет — с 2009 по 2019 год — за убийства в состоянии аффекта были осуждены[5] 1 525 человек

(43 из них — за убийство двух и более людей по части 2 статьи 107 УК). Больше всего осужденных оказалось в 2009 году — 292 осужденных, а меньше всего в 2019 году — 39 человек. В целом это соотносится с общим снижением числа вынесенных приговоров за эти годы.

За причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта с 2010 по 2019 год обвинительные приговоры были вынесены по 525 делам, еще более 250 дел были закрыты из-за примирения подсудимого с потерпевшим. По делам об убийстве после примирения закрыли 135 дел за тот же срок.

Высокая доля примирений, вероятно, объясняется тем, что в большей части подобных преступлений

участвуют родственники. Уголовно-процессуальный кодекс допускает возможность примирения в случае преступлений небольшой и средней тяжести — к ним относятся не только причинение травм в состоянии аффекта, но и убийство.

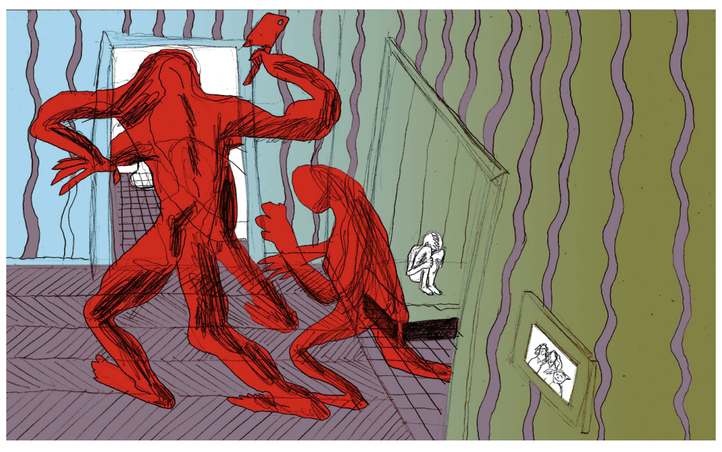

Иллюстрация: Майкл Скарн / Медиазона

«Аффект — это не психическое расстройство. Он может быть у любого»

Ключевым доказательством по таким деламстановится именно психолого-психиатрическая экспертиза — причем наличие или отсутствие аффекта устанавливает не психиатр, а психолог.

Такое положение вещей связано с тем, что под действие Уголовного кодекса подпадает именно физиологический аффект, который считается реакцией на поведение потерпевшего. Тогда как патологический аффект предполагает невменяемость подсудимого — и этот факт устанавливается уже психиатрами; в этом случае обвиняемый освобождается от уголовной ответственности, а суд, как правило, назначает ему принудительное лечение.

Физиологический же аффект попадает в компетенцию эксперта-психолога, объясняет

доктор психологических наук Фарит Сафуанов[6]:

«Компетенция психиатров — это какие-то нарушения вследствие психического расстройства, а аффект — это не психическое расстройство. Он может быть у любого — и у здорового, и у лица с пограничным психическим расстройством. К невменяемости это не имеет отношения».

Об этом же пишет в методическом пособии по судебно-психологической экспертизе аффекта Ольга Ситковская из НИИ Академии Генпрокуратуры: «Исследование психической деятельности здоровых людей не входит в компетенцию психиатра, так как не относится к области его научных познаний».

Сафуанов так описывает отличие аффекта от других эмоциональных состояний: «Три признака, так скажем. Субъективная внезапность возникновения [сильного душевного волнения] — для человека это происходит неожиданно. Второе — [это происходит] в ответ либо на психотравмирующее воздействие в случае с физиологическим аффектом, либо на длительную психотравмирующую ситуацию. И третье — на высоте этой эмоциональной реакции происходит частичное сужение сознания и ограничение способности регулировать свои действия; вы сосредоточены на одной мысли и не замечаете, что вокруг. То есть поле внимания вашего восприятия сужается и сосредоточено на одной мысли, на одном переживании. Например, описывают, что видели только бешеные глаза или только клинок ножа, который направил потерпевший».

Патологический аффект предполагает невменяемость человека, совершившего преступления — в момент убийства он вообще не отдает себе отчет в происходящем и потом ничего не может вспомнить. «У него полностью изменено сознание в момент совершения этого деяния, он не осознает ни себя, ни совершаемые действия, ни его возможные последствия. Состояние очень короткое, при этом амнезируется полностью событие, не помнится, как совершено», — описывает патологический аффект участвовавший в проведении судебных экспертиз психиатр из Петербурга Владимир Брылев. Кроме того, добавляет он, в более жестких формах такого аффекта наблюдается стадия астении (истощения) — человек может буквально заснуть на месте преступления.

Брылев говорит, что есть четкие критерии для определения патологического аффекта — те же засыпание на месте преступления и последующая потеря памяти. Тогда как в случае с физиологическим аффектом «все достаточно широко» и потому «как опровергнуть его, так и доказать довольно сложно».

Само слово «аффект» появилось в русском языке в числе других латинских терминов в XVII веке, тогда «аффекты» понимали более широко — как воздействующие на состояние человека эмоциональные состояния, «страсти души». В 1878 году немецкий врач Иоган Людвиг Каспер называет известный нам сегодня аффект «умоисступлением»[7].

Российский профессор психиатрии Павел Ковалевский в 1896 году признавал: «Дать точное определение аффекту очень трудно. Мы его определяем так: под именем аффекта [подразумевается] уклонение в душевной деятельности, характеризующееся моментальною потерею сознания и уничтожением свободы воли с последовательным истощением и непродолжительным помрачением ума, при одновременном сохранении нередко самой сложной деятельности со стороны двигательной системы». Уже тогда он делит аффекты на физиологические и патологические и пишет, что первые можно отнести к смягчающим обстоятельствам, а второй «должен избавлять от ответственности» за преступление.

Популяризатором этого термина в русской словесности стал Федор Достоевский, в чьих книгах аффект упоминается неоднократно. «А главное, кто ж теперь не в аффекте, вы, я — все в аффекте, и сколько примеров: сидит человек, поет романс, вдруг ему что-нибудь не понравилось, взял пистолет и убил кого попало, а затем ему все прощают. Я это недавно читала, и все доктора подтвердили», — говорит одна из героинь «Братьев Карамазовых». «Постоянным аффектом» объяснял действия своей Веры Засулич судья Анатолий Кони, подчеркивавший, что Засулич стреляла в петербургского градоначальника Трепова из-за «внезапно налетевшего гнева» после унизительной порки студента-народника Боголюбова.

Иллюстрация: Майкл Скарн / Медиазона

«Сам не понял, как схватил и задушил». Физиологический аффект

Физиологический аффект принято подразделять на три стадии: подготовительную, стадию аффективного взрыва и стадию истощения. Как пишет в своей работе «Психология криминальной агрессии» Фарит Сафуанов, сначала наступает «ощущение субъективной безвыходности» из ситуации — когда человек не видит способов прекратить происходящее насилие или оскорбление. После этого происходит аффективный взрыв, во время которого у него снижается контроль за своими действиями, затем уже следуют истощение, бессилие и крайняя усталость.

Так было, например, в случае с рабочим шиномонтажа в Екатеринбурге Алексеем Автамоновым, который в 2016 году убил сотрудницу Россельхозбанка Дарью Тягунову. В приговоре по его делу рассказывается, что молодые люди познакомились на пробежке в парке и в тот же день решили заняться сексом, но мужчина «не смог совершить половой акт». Когда Автамонов несмотря на это предложил Тягуновой встречаться и жить вместе, она отказалась. «Посмотри на себя, кто ты, а кто я, мы друг другу не подходим», — цитировал он девушку на допросе. Тогда же она призналась, что у нее уже есть парень.

«Сам не понял, как схватил [Тягунову] за горло левой рукой и быстро задушил, вошел в какой-то транс, никак не мог остановиться, — пересказывал судья показания обвиняемого. — Правой рукой нанес потерпевшей один удар по лицу. Прекратил душить, когда кончились силы, лег рядом с ней и уснул». Два дня труп лежал у Автамонова в квартире, на третий день он вывез тело в болотистую местность.

Эксперты-психологи пришли к выводу, что 36-летний Автамонов находился в состоянии физиологического аффекта. Они указали, что об исключительности его эмоциональной реакции говорят в том числе «избыточность и деструктивность применения силы» — у погибшей зафиксировали переломы подъязычной кости, скулы и челюсти.

Причиной аффекта, решили эксперты, а вслед за ними и суд, стали слова погибшей, показавшиеся мужчине тяжким оскорблением. Хотя прокуратура и

настаивала, что точная формулировка оскорбления так и осталась загадкой, судья не стал спорить с экспертами, признал аффект и приговорил Автамонова к двум годам и девяти месяцам ограничения свободы.

Случаи убийства в состоянии аффекта, проявившегося после оскорблений, не редки в России. Так, охранник магазина «Вкусняшка» Владимир Абросимов убил ножницами пьяного посетителя: перед этим тот оскорбил охранника, ударил по голове и попытался повалить на пол. Психологи сочли, что Абросимову ситуация показалась безвыходной, и он не мог контролировать себя. Суд назначил ему год исправительных работ.

Житель Бурятии Дмитрий Намсараев случайно задел ногой своего дядю. Мужчины поссорились, дядя ударил племянника по лбу, в ответ тот повалил родственника на землю и начал бить. Дальше — провал в памяти, отекшая правая рука и окровавленный дядя без признаков жизни. Как установили следователи, Намсараев дважды ударил дядю неизвестным тупым предметом по лицу и несколько раз — ножом в грудь. Суд учел, что первым удар нанес дядя, и приговорил Намсараева к году ограничения свободы за убийство в состоянии аффекта.

Зимой 2019 года бывший дагестанский полицейский Тагир Велагаев убил свою бывшую жену Умужат Гусейнову и оставил ее труп завернутым в ковер. Он утверждал, что во время спора Умужат стала оскорблять его дочерей от другого брака и пожелала им стать «проститутками, шлюхами, как я!». После

этого экс-полицейский нанес ей удар рукояткой травматического пистолета по голове, а потом задушил. Эксперты посчитали, что он находился в состоянии аффекта из-за тяжкого оскорбления со стороны бывшей жены.

Адвокат семьи убитой ставила под сомнение эти выводы психологов и упрекала следствие в необъективности: в материалах дела говорилось лишь об «аморальности» потерпевшей и давались исключительно положительные характеристики экс-полицейскому от его родных и друзей.

«Последняя капля». Кумулятивный аффект

Еще один тип аффекта — кумулятивный. От физиологического он отличается тем, что здесь подготовительная фаза сильно растянута по времени — от нескольких часов до нескольких лет. За это время происходит накопление эмоционального напряжения, которое в совокупности и образует психотравмирующую ситуацию.

«Аффективный взрыв может наступить и по незначительному поводу, по типу "последней капли"», — отмечает Фарит Сафуанов из Центра имени Сербского.

Так, Сергей Архипов из подмосковной Дубны до смерти избил тяжело больную мать с психическими проблемами, за которой до этого ухаживал полтора года. Врачи зафиксировали у пожилой женщины переломы грудины и нескольких ребер с

повреждением легких — всего не менее 26 ударов. Психологи сочли, что Архипов был в состоянии кумулятивного аффекта, сложившегося за месяцы ухода за больной; в приговоре не уточняется, что стало «последней каплей». Суд назначил ему восемь месяцев ограничения свободы.

В Татарстане некто Сидоров был осужден на два с половиной года колонии за убийство в состоянии аффекта сразу двух человек — это достаточно редкое преступление[8], за которое в течение последних 10 лет вынесли всего 43 приговора. Осенью 2016 года он застал свою жену Елену в постели с любовником — Сидоров несколько раз ударил мужчину в грудь складным ножом, а затем отрезал ему мошонку. Догнав жену, он не менее 46 раз ударил ее тем же ножом.

На допросе Сидоров сказал, что бил куда попало: «Я не помню, в какой момент Елена сказала мне о том, что она не изменяет мне, меня это разозлило еще больше, я понял, что она мне всегда врала и врет сейчас». Он ушел на кухню, а когда понял, что произошло, попытался оказать жене помощь, но она уже была мертва. Тогда Сидоров сам позвонил участковому.

В приговоре судья подчеркивал, что убийство было спровоцировано не только изменой жены, но и в целом ее «аморальным образом жизни»: Сидоров и раньше уличал ее в изменах, она уходила в запои, пропадала из дома, оставляя детей без присмотра. Все это вызвало у Сидорова «повышенную чувствительность и уязвимость», после чего накопленное эмоциональное напряжение разрядилось аффективным взрывом.

Правозащитный проект «Правовая инициатива», анализируя приговоры за убийства женщин по мотивам «чести» на Северном Кавказе, обратил внимание на частые случаи квалификации таких преступлений как совершенных в состоянии аффекта, в частности, в результате «аморального» или «позорного» поведения пострадавшей. «Данные факторы при их доказанности и принятием судом во внимание явились способом уклонения от наиболее тяжкого наказания или его смягчения», — считают правозащитники.

В одном случае, например, отчим нанес ножевые ранения своей падчерице. Эксперты указали, что обвиняемый был в состоянии кумулятивного аффекта из-за поведения потерпевшей — девушка иногда крала деньги из дома, уходила без разрешения родителей и не ночевала дома, а «заключительной психотравмирующей ситуацией явилось сообщение подсудимому о беременности несовершеннолетней падчерицы». В другом случае житель Ингушетии задушил племянницу за то, что она курила во время вечерней молитвы — суд и эксперты также посчитали это убийством в состоянии аффекта, вызванного аморальными действиями девушки.

Аффект и домашнее насилие

Многие дела, в которых идет речь о кумулятивном аффекте, связаны с домашним насилием — когда спустя годы жизни с мужьями-агрессорами женщины во время очередного избиения убивают их.

Татьяна Пацекина из Курска прожила в браке почти 50 лет. Муж регулярно напивался, избивал жену и издевался над ней — например, заставлял пить мочу. Пацекина долго не хотела обращаться в полицию, чтобы сохранить семью, но однажды после избиения муж выгнал ее из квартиры. Под утро женщина вернулась, но проснувшийся супруг снова принялся ее бить — на этот раз пластмассовым тазом — и угрожать ножом. Когда мужчина заснул, Пацекина взяла топор и нанесла ему два десятка ударов — а потом побежала к соседям и рассказала о случившемся. Суд назначил ей год ограничения свободы.

Муж Анастасии Тихоновой из Бурятии регулярно ее избивал. Однажды ему не понравился суп и тот факт, что супруга смотрела телевизор, не застелив постель. Он начал ее бить, а потом, угрожая ножом, заставил сделать петлю из бельевой веревки и затянуть на шее. Когда Тихонова начала задыхаться, муж перерезал веревку. Издевательства продолжались несколько часов, после чего мужчина уснул — тогда Тихонова принесла топор и нанесла ему пять ударов по голове. Она признала вину и получила в качестве наказания полтора года исправительных работ.

Адвокат Мари Давтян, которая специализируется на делах о домашнем насилии, говорит, что в случае с аффектом очень важны первые допросы и собранные следствием документы — именно на них будут ориентироваться эксперты.

«Важно, что эксперт, помимо самого человека, видит еще материалы дела, — отмечает Давтян. — Поэтому, когда мы подозреваем аффект, надо обязательно стараться, чтобы перед экспертизой в материалы дела попали показания свидетелей, свидетельствующие об аффектном состоянии, соседей, первичные показания со стороны [подозреваемого], которые могли бы говорить об аффекте. Чтобы у экспертов была картина, подтверждающая аффект».

Аффект в других странах

Исторически к преступлениям, в которых эмоциональное состояние убийцы увязывалось с поступками жертвы, относили убийства на почве супружеской неверности: римское право допускало убийство за измену, а в

англо-американской правовой традиции к этому отсылает собирательный термин *crime of passion*[9].

В английском праве только 10 лет назад упразднили понятие «провокации», им описывали действия или слова, после которых «разумный человек»[10] мог потерять контроль за своими действиями. Его сменило понятие «потеря контроля».

В Примерном Уголовном кодексе США[11] для убийств предусмотрены четыре разных термина, один из которых — *manslaughter* — частично соотносится с российским убийством в состоянии аффекта. К нему относят в том числе и непредумышленные убийства, совершенные «под влиянием крайнего психического или эмоционального волнения, для которого есть разумное объяснение или извинение».

К подобным ситуациям, как правило, относятся обоюдная драка, проникновение в жилище с угрозой для жизни и супружеская измена. Слова обычно считаются, недостаточной причиной для потери контроля над собой — впрочем, в Калифорнии и Пенсильвании суды руководствуются правилом «последней капли», которое по сути соответствует российскому понятию кумулятивного аффекта. В США федеральный суд может назначить срок наказания ниже низшей планки, «если противоправное поведение жертвы внесло значительный вклад в провоцирование поведения, связанного с преступлением».

В немецком уголовном кодексе тоже есть вид убийства, аналогичный по смыслу убийству в состоянии аффекта: к нему относятся

преступления, совершенные в результате «жестокого обращения или тяжкого оскорбления со стороны убитого», которые привели обвиняемого в ярость. Австрийский УК тоже выделяет убийства, совершенные в силу «всем понятного эмоционального переживания»; они наказываются сроками от пяти до десяти лет.

А вот в Новой Зеландии в 2009 году подсудимых лишили права ссылаться на провокацию жертвы. Это произошло после резонансного убийства в Данидине, где преподаватель университета убил расставшуюся с ним студентку 216 ударами ножа, а затем в суде пытался объяснить свои действия эмоциональным состоянием после сложных отношений.

Иллюстрация: Майкл Скарн / Медиазона

Как работают следователи и эксперты

Бывший следователь Алексей Федяров называет две основные проблемы при расследовании таких дел: недостаточная квалификация следователей и низкое качество экспертиз. Федяров вспоминает, что в конце 1990-х годов занимался подобным преступлением, и с тех пор практика не изменилась — разве что снизилась квалификация следователей.

«Чтобы психолого-психиатрическая экспертиза дала аффект, нужно очень тщательно провести первоначальный допрос, здесь очень высока роль

адвоката, но, к сожалению, очень мало кто понимает, что такое аффект, — рассуждает юрист. — [Сбор информации для психолога] — здесь самая основная проблема. Во-первых, очень низкая квалификация следователей и, [во-вторых], направленность следователей на то, чтобы не описывать психологическое состояние и предшествующие взаимоотношения между жертвой и потерпевшим».

Убивших домашних агрессоров женщин чаще всего обвиняют в умышленном убийстве[12]. Федяров считает, что некоторые из этих дел явно можно было бы переквалифицировать на убийство в состоянии аффекта, но следователи недостаточно погружаются в детали случившегося и предшествовавших ему событий — которые могли бы показать, как ситуация домашнего насилия привела женщину к физиологическому или кумулятивному аффекту.

С этим согласен и другой бывший следователь, адвокат Андрей Золотухин. «Что делает следователь. У следователя все очень просто — вот труп лежит, вот нож торчит, вот человек, который говорит: "Да, я убил". В таком сложном психологическом состоянии человек готов все подписывать, притаскивают адвоката по назначению чаще всего. И обычными стандартными фразами записывают: тогда-то тогда-то возникла ссора, в ходе ссоры у меня возник умысел на убийство, реализуя этот умысел, я взяла нож и ударила его один раз, после чего он упал и скончался, я позвонила в полицию. Что читает психолог? Психолог берет дело и читает первые показания. Если по первым показаниям психолог не видит длительной психотравмирующей ситуации,

не видит признаков, которые описывают аффект, соответственно и психолог не даст ничего».

Проводя экспертизу, специалисты исследуют личность обвиняемого и обстоятельства преступления — для этого они беседуют с ним и изучают все собранные материалы уголовного дела и медицинские документы.

«Важно понимать, как врач простраивает в своей голове эту историю, — объясняет психиатр Владимир Брылев. — Он смотрит на тип личности, на тип темперамента, потом он, изучая материалы, пытается понять, насколько данная конкретная ситуация была субъективно для него опасной, фрустрирующей, непереносимой, насколько это событие было для человека неожиданным».

Он признает, что ключевую роль в судьбе всего дела играют первые показания, записанные следователем: «Если человек начнет рассказывать, как это было, психолог отнесется к этому критически, потому что все это нужно было записывать сразу, а следователь сразу не записывает».

Доктор юридических наук Николай Исаев[13]

подчеркивает, что интерпретации специалистов строятся в первую очередь на основе протокола допроса и протокола осмотра места происшествия: «Потому что когда мы проводим беседу, там могут проконсультировать адвокаты, принесут какую-нибудь литературу ему почитать, он может говорить уже совершенно другое».

Есть еще одна проблема в расследовании таких дел, указывают юристы — убийства в состоянии аффекта следователям менее выгодно раскрывать для ведомственной статистики. «Нужны убийства — это особо тяжкие преступления, это их рейтинговая статья, а убийства в состоянии аффекта — это преступление небольшой тяжести, оно в зачет не идет, — объясняет адвокат Андрей Золотухин. — То есть мы упираемся в статистику. Проще всего расследовать обычное убийство и отправить его в суд».

С ним согласен и профессор Высшей школы экономики Геннадий Есаков: «Проще всего вменить 105-ю статью[14], поскольку изменение статьи на 107-ю-

[15] для следователя чревато рисками. 107-я — это

не особо тяжкое преступление, каких-то бонусов не заработаешь. И всегда легче направить дело в суд по 105-й статье, сказав, ну, если был аффект, в суде разберутся».

Адвокат Мари Давтян обращает внимание и на проблему компетентности экспертов. Она приводит в пример дело Галины Каторовой[16] в Приморье. В

ее случае эксперт-психолог исключил возможность аффекта и написал в заключении, что ситуация домашнего насилия была привычной для Каторовой, так что она должны была адаптироваться, а не реагировать на избиение агрессией.

Давтян замечает, что описание событий Каторовой напоминало именно аффект — например, она частично не помнила произошедшее. Фарит

Сафуанов из Центра Сербского соглашается, что заключение по этому делу вызывает вопросы.

«Мне кажется важно, чтобы эксперт сам не страдал от стереотипного представления о мире и каких-то отношениях людей, — рассуждает Давтян. — Как по Каторовой, фактически мы увидели стереотип: столько лет терпела, чего это вдруг разошлась. То есть это такой стереотип, что женщины, которые подвергаются домашнему насилию — они это терпят, им это нравится, в общем, сама виновата. Но если эксперт компетентный, на него это не сможет повлиять, потому что есть объективные признаки [состояния аффекта]».

При участии Елизаветы Пестовой и Александра Бородихина. Редактор: Егор Сковорода

---

1. Описание событий и цитаты приводятся по тексту приговора Советского районного суда Уфы в отношении Марины Козловой.

2. Ограничение свободы накладывает на осужденного набор отдельных запретов, определенных судом — например, в случае Козловой это запрет выходить из дома ночью, посещать культурно-развлекательные центры и массовые мероприятия, выезжать из Уфы и менять место работы без согласия уголовно-исполнительной инспекции.

3. Максимальное наказание по первой части статьи — 3 года лишения свободы. По второй части, которая наказывает за убийство двух и более человек — 5 лет лишения свободы. Другие возможные виды наказания по этой статье: ограничение свободы, исправительные и принудительные работы.

4. Максимальное наказание — два года лишения свободы. Другие возможные виды наказания: ограничение свободы, исправительные и принудительные работы.

5. Это следует из статистики, которую ведет судебный департамент при Верховном суде России.

6. Сафуанов — руководитель лаборатории Центра психиатрии и наркологии имени Сербского.

7. И приводит список бытовавших в то время синонимичных определений: excandescentia furibunda (лат. бешеная вспышка), iracundia morbosa (лат. болезненный гнев), leidenschaftliche Aufwallung (нем. всплеск страсти) и другие.

8. Убийство двух и более лиц в состоянии аффекта подпадает под действие части 2 статьи 107 УК.

9. Дословно «преступление страсти» (англ.)

10. «Разумный человек» впервые появляется в английском законодательстве на рубеже XIX и XX веков; впоследствии этот термин уступил место «обычному человеку».

11. Принятый в середине XX века Институтом американского права документ, предлагаемый в качестве образца для унификации уголовных норм; примерно в двух третях штатов уголовные законы были обновлены с его учетом.

12. Часть 1 статьи 105 УК.

13. Исаев также изучал психиатрию в Петербургском научно-исследовательском психоневрологическом институте имени Бехтерева.

14. Статья 105 УК (убийство).

15. Статья 107 УК (убийство в состоянии аффекта).

16. Жительница Находки Галина Каторова убила мужа, который избивал ее и душил. Сначала в феврале 2018 год суд приговорил ее к трем годам колонии, но затем в апелляции Приморский краевой суд отменил приговор, усмотрев в действиях Каторовой необходимую оборону.